

«Каждая счастливая семья...»

*Светлой памяти дедушки и бабушки:
Ивана Викентьевича и Марии Семеновны Остроух,
памяти их скончавшейся в лагере малолетней дочери,
а также миллионов других семей, искалеченных
и истребленных в годы большевистских репрессий*

Пострадал ли кто-то из родных Сергея Сергеевича Прокофьева в двадцатые годы? Кажется, впервые этой темы коснулся Святослав Сергеевич Прокофьев в нашей беседе в 1990 году¹. Позднее старший сын Прокофьева написал статью о своих родных в «Three Oranges Journal»². Дэвид Нис в содержательной монографии³ уделил внимание перипетиям жизни Раевских. Погружение в материалы лондонского архива⁴ высветило эту тему как одну из самых трагических в прокофьевском наследии.

Нормальное течение благополучной жизни одной из самых уважаемых русских семей — как и жизни всех других — в 1917 году внезапно прервалось, «и, — по словам М. Булгакова, — внезапно и грозно наступила история».

Почти исчезнувшие из прокофьевских материалов времен революции его родные, как и друзья, через несколько лет появляются в дневниковых записях и переписке зачастую уже совсем другими.

У новой жизни изменившийся декор и иное содержательное наполнение каждодневности. Людьюми движут новые заботы. Конечно же, они помнят, как по-итальянски *окно*, и по-французски разговаривать им так же легко и приятно, как прежде; но теперь французский стал кодом общения между «бывшими» — и это лучше не афишировать.

По совокупности внешних признаков людей зачастую трудно узнать, и только когда человек заговорит, среагирует на что-то, просто взглянет — тогда глубинное проступит вовне, вернуться все знакомые полутона и светотени. Тогда его узнаешь не зрением, а всколыхнувшейся памятью.

Жизнь не была к этим людям милосердной. Они утратили благополучие, положение в обществе, пережили череду несчастий, подверглись ре-

¹ Прокофьев Святослав. О моих родителях. Беседа сына композитора с Натальей Савкиной // Прокофьев. ДПБВ, 1991. С. 212–232.

² Prokofiev Sv. Little-Known Facts about People Close to Prokofiev // Three Oranges Journal. 2001. № 1. — P. 20–21.

³ Nice D. From Russia to the West, 1891–1935. — New Haven — London: Yale University Press, 2003. — 390 p.

⁴ Архив С.С. Прокофьева в лондонском Goldsmith College, далее SPA (the Serge Prokofiev Archive).

*Сергей Сергеевич Прокофьев.
Нью-Йорк, 1918.
Библиотека Конгресса США*

прессиям и унижениям. Их разбросало по России и по миру. Однако они сумели пройти через все испытания с редкостным достоинством, не озлобляясь и не ожесточаясь, продолжая заботиться друг о друге в тяжелых, иногда невыносимых, условиях. Понятие семьи осталось для них, как и прежде, священным.

Родители Сергея Сергеевича создали свое благополучие собственными руками, поэтому деньгами он избалован не был и умел их ценить. Став самостоятельным, пройдя период в финансовом отношении тяжелый, обзаведясь семьей, Прокофьев завел расходные книги, где в аккуратно расчерченные графы (рубрики) тщательно записывал все доходы и расходы⁵. Дневник и переписка с Раевскими высвечивают другие грани его облика. С середины двадцатых годов он начинает постоянно, никогда не забывая и не ожидая напоминаний, помогать своим родным — и тем, кто остался, и тем, кто уехал. Семейные узы, как и дружба юности, дороги композитору.

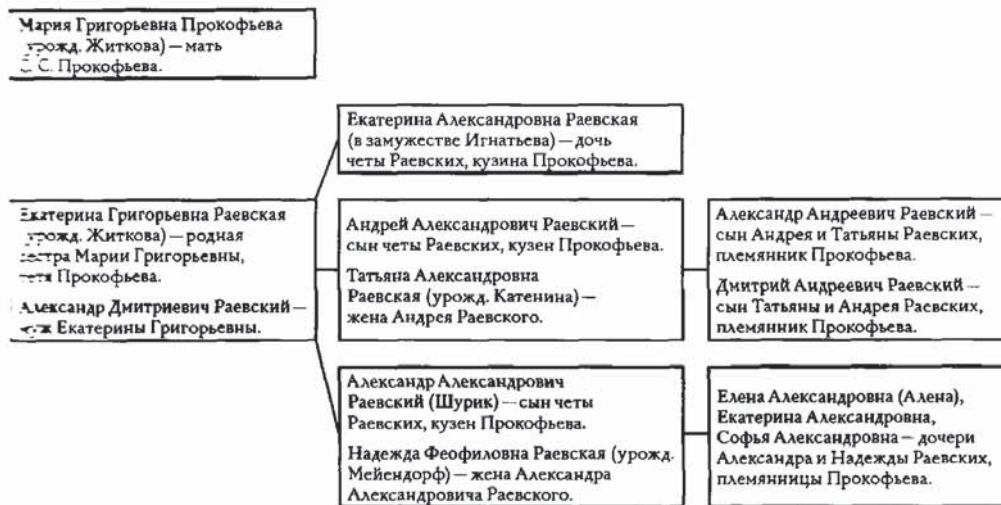
В переписке с родными и друзьями из СССР Прокофьев предстает в новом облике: он раскрывает бумажник, выписывает чеки, оформляет денежные переводы, вникает в подробности таможенных циркуляров и правил международной почты, осваивает способы конспиративного перевоза через границу предметов одежды, лекарств, которые нужны родственникам и знакомым. (Многих лекарств в СССР нет, но пересылать и провозить их, как и продукты, нельзя.)

---

⁵ Это не что иное, как амбарные книги, которые велись в старых русских хозяйствах и которые, наверное, вел в Сонцовке его отец, Сергей Алексеевич.

Родные С.С. Прокофьева, упоминаемые в статье:

С возобновлением в Большом театре оперы «Любовь к трем апельсинам»⁶ он пытается организовать регулярные выплаты девочкам Раевским и Кате⁷ в Кадников⁸. Неповоротливый финансовый отдел Большого театра всё время забывает переслать деньги в Кадников, вообще работает медленно и нередко ошибается. Композитору постоянно приходится слать в Большой срочные депеши.

«Кажется, в Москве и Кадникове вновь сидят без денег. Видно, Гусман⁹, идя в отставку, забыл выполнить мои поручения. Поэтому строчил письма в Большой театр»¹⁰.

Ходить в Большой театр за деньгами из прокофьевских гонораров было обязанностью Анны Петровны Уваровой¹¹. Сергей Сергеевич следил за этим внимательно.

⁶ 13 ноября 1929 года. Была надежда и на гонорары за постановку «Стального жюка», но этот балет не пустили на сцену Большого театра активисты РАПМ.

⁷ Девочки — Елена, Екатерина и Софья — племянницы Прокофьева, дочери Александра Александровича и Надежды Фефиловны Раевских. Катя — Екатерина Александровна Игнатьева, урожденная Раевская, — двоюродная сестра Прокофьева. См. схему родственных связей.

⁸ Кадников — городок в Вологодской области, в 40 километрах к северу от областного центра.

⁹ Гусман Борис Евсеевич (1892–1944) — советский музыкальный деятель, критик; заведующий репертуарной частью и заместитель директора Большого театра (1929–1930).

¹⁰ Запись в Дневнике от 16 марта 1930 года. См.: Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 762–763.

¹¹ Графиня Анна Петровна Уварова (1869–1951) — двоюродная сестра кузенов Прокофьева Раевских.

А.П. Уваровой,
Москва.

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France,
11 ноября 1930.

«Многоуважаемая Анна Петровна,

Неделю тому назад я получил письмо от заведующего финансовой частью Большого Театра, о том что согласно моей просьбы он перевел Вам 26 Октября 400 рублей. Т. к. я от Вас не имею подтверждения об этом, то меня беспокоит, получили ли Вы мое письмо, в котором я просил Вас из этой суммы переслать Кате Игнатьевой 200 рублей, а то она останется совсем без денег.

Шлю Вам сердечный привет, также Катюше¹² и детям.

Уважающий Вас»¹³.

Подобные письма он писал постоянно. В дело по передаче денег вовлечены, кажется, все: Л. Цейтлин¹⁴, Н. Мясковский, В. Держановский¹⁵, К. Сараджев¹⁶, множество случайных людей, которым оказалось «по пути».

Прокофьев — Мясковскому:

«<...> Может ли МОДПИК¹⁷ немедленно послать 150 рублей моей тетке? А если нет, то не наскребется ли каких-либо новых моих гонораров в Музсекторе?»¹⁸.

Сквозь упоминания о Раевских в Дневнике и письмах, написанных в его спокойной, деловой манере, проходит лейтмотивом одно и то же: сообщения о высланных деньгах. Повторяемые вновь и вновь, они особым образом организуют документальные материалы композитора, превращаясь в мощное смысловое остинато. Из всех выражений благодарности,

---

¹² Катюша — дочь Анны Петровны.

¹³ Из письма С.С. Прокофьева А.П. Уваровой от 11 ноября 1930 года. SPA, F. XXIV, it. 283. Здесь и далее в приводимых письмах орфография и пунктуация оригиналов сохранены. Личная подпись Прокофьева во всех публикуемых здесь письмах отсутствует. Обычно Прокофьев писал письма в двух экземплярах, используя карбонную бумагу, и подпись свою ставил только на том экземпляре, который предназначался адресату. Сохранившиеся в фондах самого Прокофьева вторые экземпляры его писем или черновики, как правило, не подписаны. Подписывался же он — во всяком случае в письмах родным — по-разному, поэтому мы не стали придумывать подписи за Сергея Сергеевича и воспроизвели его письма в том виде, в каком они до нас дошли.

¹⁴ Цейтлин Лев Моисеевич (1881–1952) — скрипач, педагог, инициатор создания Персимфанса (Первый симфонический ансамбль без дирижера).

¹⁵ Держановский Владимир Владимирович (1881–1942) — музыковед, критик, один из основателей АСМ, редактор и издатель журнала «Музыка».

¹⁶ Сараджев Константин Соломонович (1877–1954) — дирижер.

¹⁷ МОДПИК — Московское общество драматических писателей и композиторов. Существовало с 1904 по 1930 год.

¹⁸ Из письма С.С. Прокофьева Н.Я. Мясковскому от 7 марта 1929 года. Цит. по: Прокофьев — Мясковский. Переписка. С. 301.

адресованных Сергею Сергеевичу, в память западают слова Тани Раевской: «Тебя же, милый Сережа, Господь Бог вознаградит, что ты им всем помогаешь!»¹⁹.

Тетя Катя

После отъезда из Советской России, постоянно передвигаясь между Японией, Америкой, баварским Этталем, Францией, Прокофьев почти потерял связь со своими родственниками, оставшимися в СССР. Когда же почтовые отношения были установлены, главным его корреспондентом среди родных стала сестра матери — Екатерина Григорьевна Раевская, урожденная Житкова (1857 — 22 октября 1929).

Знаков состоятельной, комфортабельной жизни в Автобиографии немного: Прокофьев прекрасно знает, что они — даже редкие, выразившиеся в каких-то деталях — запоминаются прочно. Дом Раевских времен его детства останется воплощением радушного, хлебосольного петербургского дома, где самым важным было не богатство, а доброта, просвещение, культура, страх Божий.

Каждое воскресенье все родные собирались у Раевских на обед. Незменным был ритуал встречи Нового года: с боем часов все становились на колени и молились, потом Екатерина Григорьевна и Александр Дмитриевич²⁰ шли на кухню поздравлять прислугу.

После революции в жизни Екатерины Григорьевны наступила реприза суровой бедности: сестры Житковы росли в нужде, рассказы о детской драме по поводу испорченных на железнодорожной станции платьев глубоко врезались даже в память Прокофьева. Он упомянул о ней в Автобиографии, как и о самоубийстве Ольги, одной из пятерых сестер Житковых — «от тягот нищеты»²¹.

Вернувшись обездоленной была отягчена утратами и унижением. Мужа Екатерина Григорьевна потеряла еще до революции. У каждого из детей была своя трагедия. Сама Екатерина Григорьевна после удара (инсульт) была парализована²².

В середине двадцатых годов она жила с дочерью в Пензе, где в 1924 году написала короткие воспоминания о родителях Сергея Прокофьева и о его детстве²³. Из них можно узнать, что способности и тяга к музыке были

---

¹⁹ Из письма Т.А. Раевской С.С. Прокофьеву от 4 мая 1930 года. SPA, F. XXIV, it. 104–107.

²⁰ Раевский Александр Дмитриевич (1850–1914), муж Екатерины Григорьевны, — камер-юнкер, действительный статский советник, представитель знаменитого русского рода Раевских.

²¹ Автобиография, 1982. С. 11–12.

²² Очевидно, инсульт был правосторонний, так как писала она много и почерк ее в письмах хороший, непокалеченный.

²³ РГАЛИ, ф. 1929, оп. 2, ед. хр. 605.

*Александр Дмитриевич
и Екатерина Григорьевна Раевские*

у обеих сестер: встречаясь, они любили играть в четыре руки. Племяннику Екатерина Григорьевна постоянно сообщала о музыкальных новостях. Так, в открытке 1925 года слышны отголоски честной глазунновской фронды.

«<...> Когда играли твой концерт или симфонию, а может быть другое что-нибудь — мне точно не сказали, то Глазунов демонстративно встал со своего кресла, надел шапку и ушел, а два старика, сидящие в первом ряду, развернули газеты и начали читать. Молодежь же аплодировала и вся была на твоей стороне»²⁴.

Как-то она рассказала Сергею Сергеевичу, что к ней приходила Ольга Александровна Сатина, ее бывшая сослуживица по Крестьянскому дому²⁵, заведовавшая в нем буфетом (а Екатерина Григорьевна — кухней): «Очень милая, достойная полного уважения

женщина из хорошего общества <...>». Ольга Александровна просила Прокофьева узнать у Рахманинова, где находится ее beau-père Александр Александрович Сатин (дядя по ее мужу, — разъясняет Екатерина Григорьевна).

«<...> Когда-то дядя или Рахманинов выслал ей денег. А она несчастная страшно нуждается. На ее руках четверо детей, а сама она на ладан дышит. У нее туберкулез во второй стадии, у нее недавно был гнойный плеврит, и она при температуре 40 градусов ходила на службу торговать в буфете театра, иначе рисковала потерять службу, и дети остались бы без куска хлеба. Зарабатывает лишь 15 рублей в месяц и была бы счастлива, если бы дядя высылал ей ежемесячно столько же. Поговори, мой родной, о ней с Рахманиновым. Доброе дело сделаешь...»²⁶.

²⁴ Открытка Е.Г. Раевской С.С. Прокофьеву. Получена 12 июля 1925 года. SPA, F. VIII, it. 187.

²⁵ Конкретных сведений об упоминаемом Крестьянском доме найти не удалось. Очевидно, это один из так называемых Народных домов — общедоступных культурно-просветительских учреждений, создававшихся еще в царской России с конца 1880-х годов с целью организации образования и культурного досуга населения (в таких домах размещались библиотека-читальня, зал для спектаклей и лекций, учебные классы, столовая).

²⁶ Из письма Е.Г. Раевской С.С. Прокофьеву от 7 апреля 1926 года. SPA, F. X, it. 223–226.

Прокофьев отвечал из Саморы (Испания):

«Посылаю тебе письмо, полученное мною от жены Рахманинова — очень жаль, что не удалось достигнуть лучших результатов...»²⁷.

Однажды у нее с племянником возникает религиозная дискуссия. Прокофьев послал ей книгу «Science et santé»²⁸, которая не вызвала у православной женщины ответного энтузиазма, она подкрепила свое мнение отзывом П. де Кулевэна, на что Прокофьев отвечал:

«Цитируемый тобою отзыв Кулевэна о “Науке и Здоровье” очень поверхностен. Автор отзыва совершенно не понял глубины и значения этого величайшего учения нашего времени. Очень прошу тебя, дорогая тетушка, перечитать книгу от начала до конца, а когда мы увидимся, мы поговорим подробно и я расскажу тебе удивительные вещи»²⁹.

От привычек и желаний, оставшихся со счастливых времен, с неуклонной последовательностью приходилось отказываться.

«... > Вчера были именины Нади и Сонички³⁰, у нас перебивало до 60 человек. Мне было приятно видеть, как любят Надю и сколько ей внимания было сделано. Принесли им с Соней и конфет, и фрукт, и цветов, и печенья, и даже яйца и сыра. Надя накануне объявила нам, что она совсем без денег, а потому никаких угощений покупать не будет и не может, и даже обед у нас был не мясной, а лишь суп и винегрет. И вот ей всего столько принесли, что вышло шикарное угощение и даже и на сегодня у нас много вкусного осталось. Было много детишек, и я любовалась, как они мило играли...»³¹.

Редкие радости из прошлого вытеснялись ограничениями ужесточившегося сегодня. Хотеть можно было только «необходимого по жизненным показаниям». Доктор, лекарства, помощь детям Нади и Тани, очень нужны иголки для швейной машинки, еще хотелось бы сделать подарок

---

²⁷ Письмо от Н.А. Рахманиновой, видимо, не сохранилось. Ольга Александровна Сатина была женой Михаила Ивановича Сатина, племянника Александра Александровича Сатина — отца жены Рахманинова. А.А. Сатин умер в том же 1926 году. Благодарю научного сотрудника музея-квартиры Н.С. Голованова Алексея Александровича Наумова за предоставленные сведения об О.А. Сатиной.

²⁸ Французский перевод книги *Science and Health with Key to the Scriptures* («Наука и здоровье с ключом к Священному Писанию», 1875) Мэри Бейкер Эдди. Это главный труд «Христианской науки» (*Christian Science*), которой Прокофьев увлекся в 1924 году. Какую книгу Пьера де Кулевэна (Pierre de Coulevain, 1853–1927) цитировала Екатерина Григорьевна — неизвестно.

²⁹ Из письма от 7/9 декабря 1926 года. SPA, F. XIII, it. 164.

³⁰ Жена и дочь сына Екатерины Григорьевны Александра, отбывавшего срок в тюрьме.

³¹ Из письма Е.Г. Раевской С.С. Прокофьеву от 10 марта 1926 года. SPA, F. XVI, it. 81.

Катеньке (только что-то совсем недорогое, например нитку фальшивого жемчуга).

Очень далеким украшением жизни был племянник и его растущий успех.

Е.Г. Раевской,
Москва.

Villa «Les Phares»,
St. Palais-sur-Mer,
Charente Inférieure,
22.VI.1927.
Adresse télégr.:
Prokofieff, St. Palais-sur-Mer.
France.

«Дорогая тетя Катя,

Извини меня пожалуйста, что так редко и мало тебе пишу. Ты не можешь себе представить, какая суতোлка здесь была во время постановки моего балета и сколько всяких мелочей накопилось после постановки его. Балет, под названием “Стальной скок”, прошел очень удачно и произвел в Париже впечатление³². Директор Grand Opera предложил мне написать оперу на одну из драм Ростана³³, но мне пока надо заканчивать две старых — “Огненного ангела” и “Игрока”.

По получении открыток от тебя и Нади, я написал председателю Персимфанса Льву Моисеевичу Цейтлину заказное письмо, прося его передать тебе или Наде те деньги, которые у него остались в момент моего отъезда из Москвы. Дело в том, что я тогда не хотел увозить за границу червонцы, которые здесь труднее менять, чем в СССР. Поэтому, по дороге на вокзал я передал их Цейтлину, прося при случае перевести в Париж. Так как он до сих пор этого не сделал, то я и предложил ему вместо перевода передать их тебе или Наде. По совести говоря, я точно не помню, какая это была сумма (мы выехали впопыхах)³⁴, но кажется это было сто рублей. Во всяком случае, Цейтлин очень милый и порядочный человек и он тебе выплатит все в точности. Если он случайно находится в отъезде, то сообщи мне и я немедленно сделаю перевод иным путем.

---

³² Премьера «Стального скока» в антрепризе Дягилева состоялась 7 июня 1927 года.

³³ Директором «Grand Opera» с 1915 по 1939 год был Жак Руше (Jacques Rouché). С 1940 по 1945 год он продолжал руководить театром коллегиально: с 1940 года совместно с Филиппом Гобером (Philippe Gaubert), с 1942 года — с Марселем-Самюэлем Руссо (Marcel-Samuel Rousseau). Написать оперу на сюжет из Ростана он предложил Прокофьеву 29 мая 1927 года в доме княгини де Полиньяк на генеральной репетиции (под фортепиано) оперы-оратории И. Стравинского «Царь Эдип».

³⁴ После большого гастрольного турне по СССР, начавшегося 13 января (день отъезда из Парижа), Прокофьевы выехали из СССР 23 марта 1927 года.

Сейчас мы заканчиваем парижские дела и в ближайшие дни оправимся на поезде в Сен-Палэ близ Руаяна, что в свою очередь недалеко от Бордо. Вероятно мы приедем туда 28-го Июня³⁵, потому пиши нам теперь по адресу, что наверху границы. Наша дача стоит на самом берегу океана, в стороне от соседней и я надеюсь, когда мы наконец выберемся из Парижа.

Целую тебя и всех твоих очень крепко. Любящий тебя»³⁶.

В мозаике прокофьевских контактов перипетии судьбы Раевских создают самый сумеречный полюс. Но композитор жил в центре многоцветного мира, в котором возникали и развивались сюжеты самые разнообразные.

Воссоздадим один из эпизодов *невстречи* Сергея Прокофьева и Марины Цветаевой.

М. Цветаевой,
London.

5, Avenue Frémiet,
Tél.: Auteuil 61-57.
9 Января 1928 года

«Дорогая Марина Цветаева,

Извините, что обращаюсь к Вам по вывеске, но это чтобы не ошибиться в Вашем отчестве. Большое спасибо Вам и Але³⁷ за Ваши письма и приветствия по Новому Году, которые я нашел по моем возвращении из Германии³⁸.

Елка все еще стоит на своем месте, а потому не приедете ли Вы к нам как-нибудь днем с Вашими малым и средним младенцами выпить чашку чая. Если позволите, я заеду за Вами в автомобиле и привезу Вас всех сюда. При наличии Вашей автомобильной паники, я могу захватить одних детей, Вы же поедете поездом, хотя неизвестно почему в поезде менее страшно, чем в автомобиле. Чтобы быть последовательной, Вы должны были бы приехать к нам верхом на белом коне.

Дайте знать о дне, лучше всего через Веру Александровну³⁹, которую мне не дается достать, так как она, пользуясь отсутствием мужа, сбежала с квартиры.

Сердечный привет от жены и от меня, Вам, Ефрону⁴⁰, Але и Муру^{41,42}.

³⁵ На дачу семья переехала 27 июня.

³⁶ Письмо С.С. Прокофьева Е.Г. Раевской от 22 июня 1927 года. SPA, F. XVII, it. 172.

³⁷ Дочь М. Цветаевой *Ариадна Сергеевна Эфрон* (1912–1975).

³⁸ В небольшую поездку в Германию (Фрейбург) Прокофьев выехал 1 января 1928 года.

³⁹ Цветаева дружила с женой П.П. Сувчинского *Верой Александровной* (1906–1987), дочерью А.И. Гучкова. Вторым ее мужем был шотландский коммунист Роберт Трейл. Вера Александровна сотрудничала с советскими спецслужбами.

⁴⁰ Муж М. Цветаевой *Сергей Яковлевич Эфрон* (1893–1941).

⁴¹ Сын М. Цветаевой *Георгий Сергеевич Эфрон* (Мур) (01.02.1925 – 07.1944). 17 июня того же года Прокофьев присутствовал на публичном выступлении М. Цветаевой.

⁴² Письмо С.С. Прокофьева М. Цветаевой от 9 января 1928 года. SPA, F. XVII, it. 10.

Очередная катастрофа в жизни Екатерины Григорьевны разразилась с арестом Кати в Пензе. Помимо этой беды, семидесятилетняя искалеченная болезнью женщина оставалась без всяких средств к существованию.

«<...> Здоровье моей Катечки все в том же положении. Легко можешь себе представить мое материнское душевное состояние! Не будь я разбита параличом, я поехала бы в Пензу, чтобы быть ближе к ней, но приходится терпеливо нести свой крест и покоряться воле Божией.

<...> Как только будет улучшение или ухудшение, тебя немедленно извещу. Кроме болезни⁴³ Кати и Шурика меня очень тревожит мое материальное положение <...>.

<...> У Нади также финансовые дела неважны и я не хочу быть ей бременем. Надо тогда стараться устроиться в богадельню, но я не знаю, есть ли теперь таковые <...>»⁴⁴.

Екатерине Григорьевне композитор писал чаще, чем кому бы то ни было еще; наверное, после смерти Марии Григорьевны он находил в ней родное, любящее, быть может, материнское. Оказывая конкретную помощь, он в то же время охотно рассказывал обо всем, прежде всего, конечно, о своих музыкальных делах.

Е. Раевской,
Москва.

5, avenue Frémiet,
Paris, XVI.
7 Июля 1928 года.

«Дорогая тетушка,

Мы сняли себе дачу на этот раз в гористой части Франции, недалеко от Женевы (ибо французская граница проходит ведь в семи верстах от этого города). Сейчас производим укладку и на-днях двигаемся в путь. В этом году мы довольно долго задержались в городе, но кажется место, которое мы выбрали для летнего пребывания, будет очень спокойным и я рассчитываю хорошенько поработать. Наш новый адрес: Le Château de Vétraz, par Annemasse, Haute Savoie, France⁴⁵.

В Париже гастролировал театр Вахтангова, с которым приезжала артистка Мансурова⁴⁶, звонившая мне по телефону и обещавшая прийти. Мне очень хо-

---

⁴³ За «беспокойством о здоровье» и разговорами о «болезнях» в приведенных отрывках из писем скрываются сообщения об арестах родных Екатерины Григорьевны, их пребывании в тюрьмах и ссылках. Писать об этом напрямую было нельзя.

⁴⁴ Из письма Е.Г. Раевской С.С. Прокофьеву от 22 марта 1928 года. SPA, F. XVII, it. 243–246.

⁴⁵ На дачу в Vétraz Прокофьевы приехали 12 июля.

⁴⁶ Цецилия Мансурова была замужем за племянником Надежды Феофиловны Раевской (снохи Екатерины Григорьевны), Николаем Петровичем Шереметевым. См. сноску 103.

хотелось ее видеть, чтобы расспросить про тебя и про твоих — и я был огорчен, что она не сдержала своего обещания несмотря на то, что я после того телефонировал ей несколько раз.

Спасибо за твои заботы о том, чтобы я получил прессу после исполнения Стального скака в Москве, но не стоило так об этом беспокоиться. Кроме того, я уже получил рецензии. Странно и досадно, что Стальной Скок не имел успеха в Москве⁴⁷. В Париже и Лондоне он второй год идет в виде балета и притом каждый раз с шумным успехом, а на родине его или не поняли, или просто напросто скверно сыграли. Дирижера Шавича⁴⁸ я знаю по Америке и Парижу: это весьма второстепенная личность и я удивляюсь почему с ним носились в Москве.

От Тани время от времени получаю письма, последнее — недели две-три назад. У нее все благополучно. Пташка и Святослав здоровы и мы все крепко-на крепко тебя целуем. Постараюсь позаботиться, чтобы следующая присылка денег не запоздала. Очень грустно, что тебе не удалось выехать на дачу, хорошо, хоть столовая съехала со двора. Обнимаю тебя еще раз. Пташка напишет тебе, как только мы приедем в деревню⁴⁹.

Любящий тебя».

Екатерина Григорьевна засобиралась ехать к осужденной на ссылку Кате. Прокофьев советовал остаться в Москве среди близких людей, предлагал оплатить летний отдых.

«<...> Голубчик мой, ты пишешь, что я не должна уезжать из Москвы, чтобы быть среди своих близких.

Но кто же для меня ближе всех, как не дочь родная, от которой я всегда вижу столько любви и ласки. Да и для нее в нравственном отношении я буду поддержкой и утешением и Дашенька⁵⁰, которая со мной хочет туда ехать, будет во всем большой помощницей и стирать и готовить нам будет, а у Катечки для ее работы, если ей Господь поможет там найти, будет оставаться больше свободного времени, а если ей придется уходить из дома, то я не буду оставаться одна.

<...> Что ты до получения⁵¹ моего письма с просьбой помочь Кате, прислал для нее 50 рублей, меня глубоко тронуло, равно и Надю. Это так ценно, что я слов не нахожу, как благодарить тебя, голубчик, родной мой. <...>⁵².

⁴⁷ Впервые сюита из балета «Стальной скак» исполнена в Москве 27 мая 1928 года под управлением В. Савича (Шавича).

⁴⁸ Шавич (Савич) Владимир (1888–1947) — русский дирижер, в 1914 году переехал в США.

⁴⁹ О многом говорящая деталь: оказывается, тетушке С.С. Прокофьева писал не только он сам, но и его жена.

⁵⁰ Даша была бывшей няней дочек Раевских, она продолжала жить в их семье.

⁵¹ Подчеркнуто в письме.

⁵² Из письма Е.Г. Раевской С.С. Прокофьеву от 24 мая 1928 года. SPA, F. XVIII, т. 56–59.

Е.Г. Раевской
Москва.

Vétraz

«Дорогая тетя Катя,

В ответ на твое письмо 9 Июля спешу написать в МОДПИК, Москва, Тверской бульвар, 25, прося их выплатить тебе 120 рублей. Следующий взнос по моему долгу я смогу сделать тебе 15 сентября.

Вот уже несколько дней как мы в деревне. Здесь тихо и спокойно, и можно хорошо работать, хотя несколько мешают жара и необычайно расплодившиеся с нею мухи. У нас довольно просторный дом с садом, очень простой, хотя и называется “шато”. Он в самом деле когда-то принадлежал ныне разорившемуся графу, впрочем из мелкопоместных. Некоторые барские затеи, вроде небольшой *chapel*⁵³, или высокой стены, отделяющей от окружающего села, остались до сих пор. Но граф продал имение разбогатевшему мужику, который, сложив в часовне дрова, поселился на ферме, а дом сдает на лето приезжим дачникам. Вот каким образом мы здесь и очутились. Пташка напишет тебе подробнее, как только разберется с вещами и все приведет в порядок.

Я ничего не пишу тебе о твоём решении ехать в Кадников, потому что по видимому оно у тебя бесповоротно. Во всяком случае, дело несколько меняется если тебя будет сопровождать такой хороший человек, как Даша. Я по-прежнему собираюсь в СССР в октябре, но Пташка может быть на этот раз не приедет⁵⁴.

Пока заканчиваю мое письмо, дабы не задерживать его с отправкой. Мы оба крепко тебя целуем, а также просим передать Катечке наши запоздалые поздравления с днем ее рождения. Святослав очень благодарит тебя за поздравление к именинам.

Любящий тебя племянник»⁵⁵.

Как все в СССР, Екатерина Григорьевна в придачу к известным ей иностранным языкам освоила эзопов, который частенько приходится расшифровывать. За многими высказываниями — огромная и тщательно замаскированная часть айсберга. В одном из писем упоминается, что Ксения Эрдели⁵⁶ советовалась с профессором по поводу ее (или Катиной?) болезни. Профессор вполне может оказаться адвокатом, с которым Екатерина Григорьевна связывала иллюзорную надежду на спасение Кати. Действительно ли Шурику в тюрьме была сделана операция или речь о чем-то другом? Придется оставить Истории некоторые из ее тайн.

---

⁵³ Часовня, домовая церковь (франц.).

⁵⁴ Младший сын Прокофьевых, Олег, родился 14 декабря 1928 года.

⁵⁵ Письмо С.С. Прокофьева Е.Г. Раевской от 19 июля 1928 года. SPA, F. XVIII, it. 191.

⁵⁶ Эрдели Ксения Александровна (1878–1971) — арфистка, профессор Московской консерватории.

Старый Ильинский
погост близ Кадникова.
Вероятно,
здесь похоронена
Екатерина Григорьевна

Когда она покидала Москву, и было ясно, что это навсегда, ей удалось повидаться с отбывавшим срок сыном. Потом она написала, что «...» Шурик приезжал на вокзал попрощаться»⁵⁷. Разумеется, речь могла идти только о том, что близкие сумели привезти ее в тюрьму на свидание.

Композитор был прав, советуя тетушке не ехать к Кате: поэтичный русский север Екатерина Григорьевна выдержала немногим больше года.

В предвкушении прокофьевских гастролей она строила радужные планы о приезде племянника в Кадников. Они с Катей уже выбрали экипаж из парой лошадей поспокойней, с экипажем к поезду вышлют валенки.

Иногда Судьба сплетает свои неисповедимые нити в тугие узлы. События спрессовываются в странных сочетаниях, лишенных причинно-следственных связей. Но увиденные из будущего, с большой временной дистанции, они выглядят иначе; природа их сцепления, случайная и хаотичная, приобретает характер взаимообусловленности и непреложности.

Такой узел завязался осенью 1929 года. И сегодня кажется, что импульс этой цепи трагических событий задал слабо прикрученный шуруп, которым нерадивый механик прикрепил переднее колесо прокофьевского Ballot.

Письмо навстречу Прокофьеву тетушка написала 13 октября, дальше — стретта: 23 октября Прокофьев написал об автокатастрофе, в которую семья попала 11 октября, тогда же пришла телеграмма от Кати: 22 октября Екатерина Григорьевна скончалась. В ответной телеграмме композитора помимо слов соболезнования («Глубоко огорчены кончиной дорогой тетушки. Приеду Москву тридцатого»), неизменное: «Немедленно уплачу все расходы. Прокофьев»⁵⁸. Приехав, он узнал об аресте Нади.

⁵⁷ Из письма Е.Г. Раевской С.С. Прокофьеву от 9 августа 1928 года. SPA, F. XVIII, no. 265d.

⁵⁸ Телеграмма С.С. Прокофьева Е.А. Игнатьевой от 24 октября 1929 года. SPA, F. XXII, it. 204.

Прокофьев писал кузине Соне Бришан:

«Тетя Катя скончалась от отека легкого. Скончалась она совершенно замечательно, в полном сознании, простившись со всеми, в то время как Катя читала молитву»⁵⁹.

О ее смерти написала и Катя:

«<...> Точно уехала от меня. Дивная была кончина. Дай Бог каждому так умирать...»⁶⁰.

Мария Григорьевна

Смутной тенью, всегда на дальнем плане событий время от времени возникает гаснущий силуэт Марии Григорьевны. Призрачности облика между этим и иным мирами сопутствуют полагающиеся аксессуары: здесь ложь во спасение и ложь корыстная, слепота блаженного неведения и даже недоразумения макабрического характера.

Она была больна. Прокофьев вынужден был поместить ее в немецкую лечебницу, найдя таким образом и сферу применения петербургскому приятелю Борису Башкирову⁶¹. Миссия Бориса Николаевича при Марии Григорьевне не очень удается; в частности, злой рок странным образом преследует присылаемые Прокофьевым деньги, которые то оказываются кем-то злодейски покраденными, то несправедливо востребованными алчными домовладельцами и докторами, то не доходят вовсе. Любовь поэта к неуважаемой Прокофьевым рулетке скоро разъяснится, и контакты с ним приобретут странность и напряженность, отраженную на страницах Дневника. Восторженные и совершенно единообразные, стопроцентно графоманские сонеты, которые он начал было присылать Прокофьеву, никак последнего не заинтересовали и ухудшившихся отношений не исправили.

Момент смерти, только обозначенный в Дневнике, нашел отражение в переписке композитора в виде мрачного недоразумения. Борис Романов⁶², с которым Прокофьев переписывался по поводу балета «Трапеция», однажды открыл пришедший от композитора конверт и обнаружил там бумагу, свидетельствующую о контактах Прокофьева с похоронным бюро. Отправляя взволнованное ответное письмо, Романов от пережитого

---

⁵⁹ Из письма С.С. Прокофьева С. Бришан от 2 декабря 1929 года. SPA, F. XXII, it. 364.

⁶⁰ Письмо Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 29 октября 1929 года. SPA, F. XXII, it. 234–235.

⁶¹ *Башкиров Борис Николаевич* (поэтич. псевдоним Борис Верин, 1891–?) — поэт.

⁶² *Романов Борис Георгиевич* (1891–1957) — хореограф, создатель труппы «Русский романтический балет».

потрясения ошибся месяцем: его письмо датировано 2 декабря, но это, конечно, 2 января 1925 года.

Кузина Катя

Грациозная красавица на фото в Автобиографии⁶³ производит сильное впечатление. Екатерина Александровна Раевская, в замужестве Игнатьева (1881–1943), была девушкой глубокой и утонченной. Она окончила Смольный институт, хорошо пела. Кузена, приехавшего из провинции, учила светским манерам, познакомила его с поэзией Апухтина и, конечно, была свидетельницей его первых успехов. По ее просьбе Прокофьев писал романсы.

После перенесенного тифа с осложнением на уши она начала терять слух, процесс оказался необратимым.

В Пензе они с Екатериной Григорьевной жили трудно. От сырости в комнате Кати однажды обвалился потолок. Она руководила колонией глухонемых детей в Мертовщине (село в отдалении от города), которую создала в 1919 году сама. Работа поглощала ее всецело, она и жила-то почти все время в школе. Поэтический склад петербургской барышни Серебряного века сочетался в Кате с глубокой религиозностью, мистической настроенностью. В ее письмах можно расслышать отзвуки их прежних кузенных расхождений.

В 1927 году она очень ждала брата:

«<...> Сережа, Сережа! Мне не верится, что скоро я увижу тебя и Linette... Какая-то теплая радостная волна охватывает всю меня при мысли, что ты возвращаешься на родину, что я вновь буду гордиться тобой — любимый двоюродный мой брат, со всеми теми маленькими задоренками, без которых нет совершенства, и блестящей твоей одаренностью. Как сейчас вижу твои дорогие ясные глаза, полные мысли и этой характерной насмешкой-иронией, которая отличает тебя и в музыкальном твоём творчестве. Сарказм твой так сильно выражен, в тебе есть эта сила доминировать и в ней так много шарма-обаяния. Я понимаю Linette, что она выбрала тебя, также как и ты отличил ее. Проникая мыслью дальше фотографических оболочек, я рисую себе определенно личность Linette и счастлива за тебя, что она твой спутник жизни. Недаром же ты изучал небесные светила. Душа Linette уже отразила в тебе многое, чего не хватало тебе — это выражено ясно в последнем твоём письме. Как я отчаянно несчастна, что не услышу тебя!! Равно пения Linette. Но ее я буду просить спеть мне что-нибудь к уху дома.

“Ну, как мы встретимся?” — невольно вспоминаю стихотворение Апухтина⁶⁴. Да, я совсем, совсем не та! Седая голова и шестилетняя тяжелая беспре-

⁶³ Автобиография, 1982. С. 179.

⁶⁴ «Ну, как мы встретимся?» — первая строка популярного стихотворения А. Апухтина «С курьерским поездом».

*Екатерина Александровна
Игнатъева (урожд. Раевская).
Февраль 1926 года*

рывная работа, при ужасных иногда условиях сделали меня неузнаваемой!.. Что делать!! Но я бодра духом, но я детски весела, но я все еще люблю жизнь и жду от нее много светлой радости.

Может быть, это именно и заставляет меня преодолевать препятствия? Может быть, поэтому я поборолa смерть. Ведь я умирала тут в Пензе и осталась жива. Два кризиса — это кошмар... Еще секунда... и твоей Катечке “крышка!” Но я надула смерть и осталась жить, чтоб еще и еще веселиться, глядя на эволюцию всего мира и всего существующего.

Итак, привет тебе, “Сергей Прокофьев”, и твоей дорогой жене! Как хотела бы первой встретить вас на границе или в Москве, но когда приеду — не знаю. Обнимаю и целую вас.

Сердцем ваша Е. Игнатъева.

Спасибо, родной, за приглашение и материальную заботу о нас! Е. И.»⁶⁵.

Она была арестована в конце января или начале февраля 1928 года. Предъявленное обвинение неизвестно, в семье Раевских полагают, что причина — связь с иностранцами. Возможно, сыграли роль и вольности в разговоре, которые она себе позволяла. Кроме того, когда позднее, в 1931 году, появилась надежда на место в санатории для глухонемых, она писала Прокофьеву: «<...> но не там, где завистники, а в Крыму»⁶⁶. Упоминание о завистниках наводит на мысль, что в 1928 году причиной ареста мог быть донос. В стране Советов доносы были действенным средством саморегуляции кадровых процессов и даже структурирования социального состава населения.

Екатерина Александровна была сослана в Кадников. Арест ее включает в себя событие невероятное. На пути из Пензы в Кадников арестованная Катя попала в Бутырскую тюрьму, где «случайно» встретила Шурика, отбывавшего там свой срок. Эпизод достойный авантюрного романа, особенно если представить себе бесконечные переходы со сводчатыми потолками, всю мощь здания Бутырки. Матвей Казаков спроектировал настоящий

⁶⁵ Письмо Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 14 января 1927 года. SPA, F. XIV. it. 34-37.

⁶⁶ Из письма Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 19 июня 1931 года. SPA, F. XXVII. it. 139.

русский замок Иф. Конечно, бра- та она искала и нашла, и встреча была совсем не случайной.

Екатерина Александровна мучилась тем, что безработная, ощущение ненужности угнетало. Одно время она решила заняться разведением кур, для этого обратилась за методиче- ской помощью к специалисту — Л.С. Прокофьеву. И поступила совершенно правильно: именно брат мог прислать ей новейшие плоды научной птицеводческой мысли Запада. Он и сам пере- вел краткий, но страстный пе- риод увлечения птицеводством, пытаясь разводить в Эттале цыплят. Цыплята вылуплялись плохо, что засвидетельствова- ла аккуратная прокофьевская статистика. Он составил табли- цу размножения с различными рубриками. Графа, обозначен- ная как «выбыло», производит жуткое впечатление, вероятно, в связи с нечаянными советскими ассоциациями. О человеке, который был арестован, сослан, расстрелян, говорили, что он «выбыл», и об этом нельзя было больше спрашивать. В канцелярском обиходе ОГПУ существова- тельное «выбыль» употреблялось повсеместно.

Затея кухни Сергея Сергеевича воодушевила.

Е.А. Игнатьевой,
Мадриков.

*Лина Прокофьева с сыновьями: Олегом (слева)
и Святославом (справа)*

Villa Stevens,
La Naze, par Valmodois,
(Seine-et-Oise), France.
8 Октября 1930.

«Дорогая кузина,

Посылаю тебе несколько летних фотографий. Кроме фотографического ап- парата, мы купили теперь небольшой домашний кинематограф, под названием Татэ-Бэби, и когда приезжали к нам на дачу друзья или знакомые, то разыгры- вали с ними детективные драмы — выходило смешно; также снимали детей, в тот момент, когда они лопали конфеты, и другие подобные сценки. По вече-

рам демонстрировали наши фильмы. Из этих лент можно выбрать лучшие моменты и затем увеличить их, что даст коллекцию живых *snar-shot*'ов, которые я тебе со временем пришлю.

Завтра мы переезжаем в город — и я немедленно же поищу для тебя журналы и брошюры о куроводстве. Я когда-то сам увлекался этим и в Баварии разводил цыплят и утят электрическим инкубатором, поэтому сочувствую твоим птицеводным планам. Большое спасибо за поздравление к именинам. В день кончины дорогой тетушки мы оба будем мысленно с тобой. Октябрьская поездка в Москву⁶⁷ по-видимому окончательно откладывается на Январь, т. к. Парижская Grand Opera заказала мне балет, над которым я сейчас работаю, и над партитурой которого просижу всю осень⁶⁸. Из московского Большого театра известили меня, что Любовь к Трем Апельсинам возобновляется в предстоящем сезоне⁶⁹, что обеспечивает исправную высылку денег как тебе, так и детям Шурика. Во всяком случае, через две недели я попрошу их послать тебе 200 рублей, или же попрошу Анну Петровну зайти туда, получить для тебя и для детей и переслать твою часть тебе. От Тани я имел письмо с месяц тому назад: у нее дела идут неважно, т. к. она потеряла место за сокращением штатов. Я постарался ей помочь немного.

Крепко целую тебя, Пташка тоже. Пиши нам на Париж.
Любящий тебя кузен»⁷⁰.

Впрочем, Катин птицеводческий почин оказался малоуспешным.

Смерть Екатерины Григорьевны, абсолютное одиночество, болезни сомкнулись вокруг нее одновременно. Центром опустевшей жизни становится могила матери. «Напиши элегию на ее жизнь»⁷¹. И в конце: «Рояль бы»⁷². Единственным светлым пятном в ее жизни остался двоюродный брат.

«<...> Вот это сознание, что все уже умерли, и Ты и я единственные — ближайшие двоюродные, дает особое чувство — ценишь как-то дороже всего хоть два-три душевных слова от своего последнего <...>.

<...> У тебя семья, а я безумно тоскую в полном одиночестве. <...> Ходила на могилу, устала, промокла, вернулась — твоя открытка»⁷³.

---

⁶⁷ Ни в 1930, ни в 1931 году композитор не смог посетить СССР. Он приехал вновь лишь в ноябре 1932 года.

⁶⁸ Балет «Sur le Borysthène» op. 51.

⁶⁹ Премьера возобновленного спектакля состоялась 13 ноября 1929 года.

⁷⁰ Письмо С.С. Прокофьева Е.А. Игнатъевой от 8 октября 1930 года. SPA, F. XXV, it. 166.

⁷¹ Из письма Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 29 ноября 1929 года. SPA, F. XXII, it. 343–348.

⁷² Там же.

⁷³ Письмо Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 14 апреля 1931 года. SPA, F. XXVI, it. 424–425.

«...» Золотое сердце у тебя, Сережик, и как, чем и когда я отблагодарю тебя за всю твою братскую — почти отцовскую заботу и любовь. Сиротскому отцу это никогда не забыть. Спасибо тебе голубчик вечное»⁷⁴.

В тех местах пропитание для ссыльных было крайне скудным. Деньги из Большого театра часто запаздывали, да и что можно было купить в Кадникове в пору коллективизации?

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France.

«Дорогая кузина,

Наконец-то пришло от тебя письмо. Бедная, как тебя скрутило! Я уж полагаю, что не все ладно, раз ты так долго молчала.

Первой заботой по получении твоего письма, было отправить тебе съестную посылку. Начал я с того, что узнал из советских источников, какие предметы и в каком количестве разрешены, какая на них пошлина и откуда сколько всего доходят посылки. Говорят, что из Ревеля, поэтому я обратился туда с просьбой выслать тебе: рису 3 кило, крупы манной 1 ½ к., тапиоки⁷⁵, сахару, шоколада и масла по 1 к., чая и сгущенного молока по 250 грамм. Пошлина за это будет приблизительно 30–35 руб., но ведь деньги ты из Большого Театра уже получила в конце Января, значит заплатить тебе будет чем, а ты тем временем напиши мне, до какого числа у тебя хватит, так как болезнь и эта пошлина конечно тебя выбьют из бюджета. Кроме того, если в конце Марта истечет твой срок, то быть может тебе будет нужно на переезд. Обо всем напиши мне в точности, также о том, хорошего ли качества будут присланы тебе продукты. Если в Кадникове так скудно с питанием, то даже второстепенный товар может показаться хорошим. Но я прошу тебя судить строго и сказать откровенно, дабы в следующий раз я мог послать прямо из Парижа, если Ревель не окажется на высоте. Посылку можно было составить и так и этак — и я часто затруднялся, не зная что нужнее.

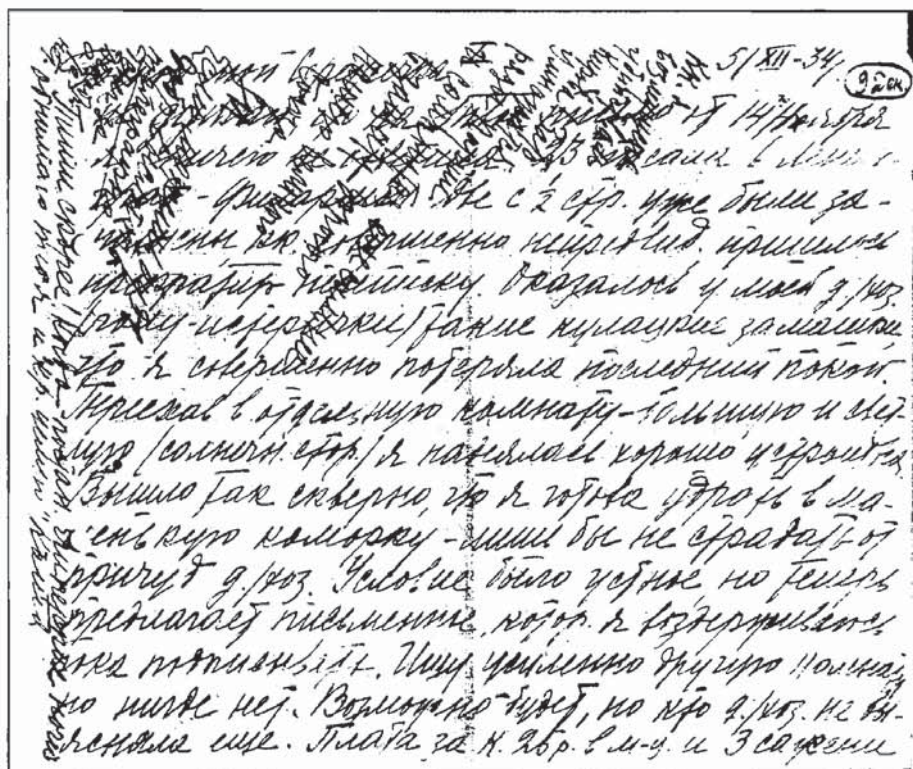
Журнал доктору выпишу с удовольствием, но ты не даешь ни его имени, ни адреса, выписать же на твое имя было бы непрактично, т. к. естественнее с точки зрения цензуры, чтобы медицинский журнал шел к медицинскому лицу⁷⁶.

После Лондона у меня полуторамесячный перерыв с концертами, чем я пользуюсь, чтобы дописать партитуру нового балета. Балетмейстер скоро нач-

⁷⁴ Письмо Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 21 января 1931 года. SPA, F. XXVI, т. 77–82.

⁷⁵ Тапиока — крупа, которую довольно трудоемким способом получают из корней маниока, пищевого растения, распространенного в тропических странах. Популярна благодаря своей высокой калорийности.

⁷⁶ В марте Сергей Сергеевич подписал знакомого доктора Кати (D-r N.A. Burlow) на медицинский журнал, издававшийся в Берлине.

Письмо Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 5 декабря 1934 года

нет его ставить, а премьеры в Grand Opera состоится в Апреле или Мае⁷⁷. Перед тем я закончил квартет, заказанный мне одной из крупнейших библиотек Америки: Library of Congress of Washington, в собственность которой поступает манускрипт. Там же он будет торжественно исполнен 24 Апреля⁷⁸.

Дома у нас все благополучно, о всяких подробностях в следующий раз. Пока же желаю тебе поправляться в новой сухой комнате и крепко тебя целую за нас двоих.

Твой⁷⁹.

В результате прокофьевской помощи у Кати, как она писала, «появилось подобие на лицо»⁸⁰.

⁷⁷ Премьера балета «Sur le Borysthène» (русское название «На Днепре», хореограф-постановщик Серж Лифарь) состоялась 16 декабря 1932 года.

⁷⁸ Премьера Квартета Прокофьева для двух скрипок, альты и виолончели h-moll op. 50 была сдвинута на день вперед: он впервые прозвучал 25 апреля 1931 года.

⁷⁹ Письмо С.С. Прокофьева Е.А. Игнатъевой от 2 февраля 1931 года. SPA, F. XXVI, it. 148.

⁸⁰ Из письма Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 12 февраля 1931 года. Получено 19 февраля. SPA, F. XXVI, it. 181-184.

Примененные к ней средства большевистского перевоспитания оказались как нельзя более действенными: ее письма были идеологически безупречны. Когда забывала написать что-нибудь «политическое» — делала дописки в конце письма или на полях. Цензоров ждало разочарование: высоких показателей раскрываемости преступных умыслов она своим перлюстраторам не обеспечивала.

«<...> Получаю много писем от друзей, а вот ты что-то давно мне не шлешь письмо с фотографиями тебя, Linette, ребят и славного Жак Садуль⁸¹. С удовольствием покупаю тут Известия ЦИК и читаю его статьи»⁸².

Однажды, спохватившись, она прямо поверх текста добавляет запись об убийстве Кирова⁸³ и — «<...> Зато умножатся ряды партии и сомкнутся еще сильнее в защиту дорогого нашего великого Союза!»⁸⁴.

В марте 1935 года:

«Завтра день для меня исключительно радостный. <...> 8-е марта это ликование новой советской женщины! Куча газет и журналов на моем столе. Через два часа бегу на торжественное заседание в клуб железнодорожников имени Ленина»⁸⁵.

О, бессмертный внутренний цензор! У людей поколения Екатерины Александровны он возникал с приобретением трагического жизненного опыта. У родившихся позднее он был практически врожденным. У моего и близких по времени поколений внутренний цензор становился интегральной частью менталитета.

То, что Советская власть лучшая и самая справедливая система мироустройства, должно было считаться бесспорной данностью *несмотря ни на что*. Истинность постулатов коммунизма была незыблемой, это были священные установления нашего детства и юности, наш Символ Веры. Особенно непреложными эти постулаты были в семьях, пострадавших от репрессий. Испуганные на всю жизнь родители внушали детям правильную идеологию с особенным рвением. Об участии наших предков, репрес-

---

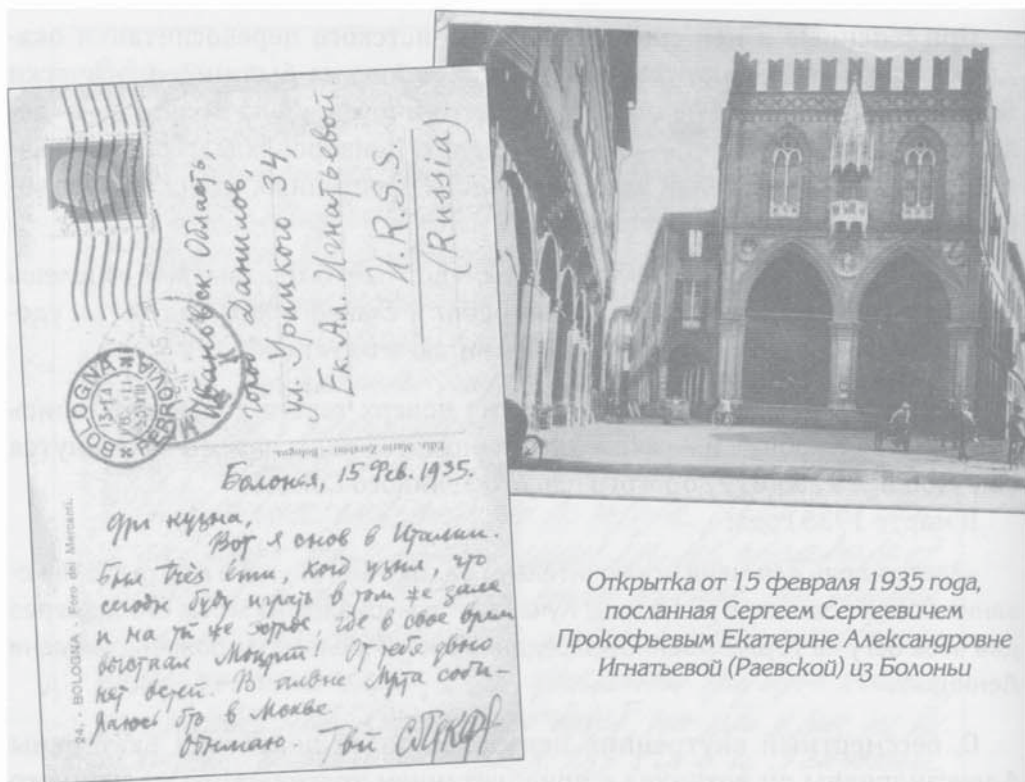
⁸¹ Садуль Жак (Sadoul Jacques; 1881 – 21.11.1956, Париж) — французский коммунист, интернационалист; входил в основанную в 1918 году группу французских коммунистов в России — французскую секцию при РКП(б). В период Гражданской войны воевал в Красной армии; за активное участие в защите завоеваний Октябрьской революции награжден советским орденом Красного Знамени. Во время Второй мировой войны участвовал во французском Движении Сопротивления.

⁸² Из письма Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 13 октября 1934 года. SPA, F. XXXVIII, it. 139–142.

⁸³ С.М. Киров был убит в Смольном 1 декабря 1934 года.

⁸⁴ Из письма Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 5 декабря 1934 года. SPA, F. XXXVIII, it. 322.

⁸⁵ Из письма Е.А. Игнатъевой С.С. Прокофьеву от 7 марта 1935 года. SPA, F. XXXIX, it. 239–242.

Открытка от 15 февраля 1935 года, посланная Сергеем Сергеевичем Прокофьевым Екатерине Александровне Игнатьевой (Раевской) из Болоньи

сированных в 1931 году, родители рассказали мне и брату только в годы перестройки, причем далеко не сразу...

...Неизвестно, когда Екатерина Александровна окончательно уехала из Кадникова. Несчастья и болезни наложили на нее свой отпечаток. Святослав Сергеевич рассказывал:

«Вообще характер у нее был довольно трудный, она без конца переезжала с места на место, жила в бедности. В последние годы жизни [она] лишилась памяти и скончалась в 1943 году в психиатрической больнице»⁸⁶.

В 1990 году, когда я записывала интервью со старшим сыном Прокофьева, он ничего не сказал о том, что Екатерина Александровна была репрессирована. Не написал он об этом и в своей статье о родных в журнале «Three Oranges»⁸⁷. Когда я рассказала ему про Кадников, оказалось, он не знал. Это очень естественно: для безопасности детей им лучше было ничего не знать о репрессированных родственниках.

Зато Святослав Сергеевич помнил, что их с Олегом иногда «подкидывали» Екатерине Александровне. Свою тетю он запомнил «жизнерадостной,

⁸⁶ Прокофьев Святослав. О моих родителях... Указ. изд. С. 213–214.

⁸⁷ Prokofiev Sv. Little-Known Facts about People Close to Prokofiev // Three Oranges Journal. 2001. № 1. — P. 20–21.

деятельной, необыкновенно заботливой»⁸⁸, он произнес даже «оптимистичной». Слово настолько меня потрясло, что рука отказалась внести его в текст: как можно сохранить оптимизм, прожив такую жизнь?

Возможно, ее, как и Екатерину Григорьевну поддерживала религия, а «подкидываемые» мальчики приносили огромную, хотя и редкую радость. Им с ней было хорошо.

Андрей и Татьяна

Весной 1906 года в доме Раевских был устроен великолепный праздник по случаю бракосочетания старшего сына Раевских Андрея⁸⁹, который женился на дочери председателя цензурного комитета, камергера двора А. Катенина — Татьяне⁹⁰.

В 1903 году Андрей окончил Императорский Александровский лицей, некоторое время там работал⁹¹, был призван в армию, направлен со своей частью в Лугу. После революции он оказался с беременной женой и двенадцатилетним сыном Сашей в Новороссийске: семья хотела уехать. Однако Андрей Александрович заболел тифом и скончался 14 января 1920 года в возрасте 38 лет.

Назначить кого-то из семьи Раевских главным мучеником режима трудно. Не менее изломанной, нежели у Кати, была судьба Татьяны.

Ее младший сын Митя родился после смерти отца. Вместе с двумя сыновьями Татьяна оказалась в эмиграции, в Германии, где жизнь, по ее словам, «стала невыносимой», а ее положение было «поистине трагическое».

Она работала массажисткой в санатории. В 1930 году потеряла место за сокращением штатов. Ей приходилось очень трудно, она нуждалась. Екатерина Григорьевна еще в 1927 году просила Прокофьева передать Тане вещи бывшей горничной их знакомых. Конечно, Сергей Сергеевич им помог.

В 1929 году Саша поступил на службу, и тетя Катя писала, что он управляет довольно сложным аппаратом звукового фильма, что надеется совместить службу с университетом.

Этим Прокофьев тоже занимался. Он писал Тане в Потсдам: «Кажется, получится стипендия для Саши, может получиться»⁹². Стипендию он собирался выхлопотать через Кусевицких, однако здесь у него ничего не вышло.

⁸⁸ Прокофьев Святослав. Указ. изд. С. 213.

⁸⁹ Раевский Андрей Александрович (1882–1920).

⁹⁰ Раевская (урожд. Катенина) Татьяна Александровна (1883–1957).

⁹¹ Благодарю за консультацию сотрудников научного отдела Царскосельского лицея.

⁹² Из письма С.С. Прокофьева Т.А. Раевской от 14 января 1930 года. SPA, F. XXIII, т. 28.

Татьяна Александровна очень тосковала в Германии и болела душой за родных, мечтала «хоть под старость лет побывать на Родине, на могилке Андриюши»⁹³.

Она была, пожалуй, единственным человеком, которому Прокофьев мог писать о «советских» Раевских откровенно. Именно в письмах Тане изредка прорывается то, что он скрывал в переписке с другими корреспондентами. «Не могу прийти в себя от ареста Катечки в Пензе»⁹⁴. Через некоторое время сообщение о родных выглядит немного лучше:

Т. Раевской
Обершрайбергау.
20 Декабря 1933.

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, Frankreich.

«Дорогая Таня,

Лишь неделю назад вернулся из СССР, но не прямым путем, а через Италию, где у меня были концерты⁹⁵. Большую часть времени провел в Москве, откуда три раза ездил в Ленинград. Видел Женю⁹⁶, к сожалению очень мельком. Он зашел ко мне неудачно, за три часа до концерта, после которого я уезжал с ночным поездом в Москву, так что надо было и повторять программу и укладываться. Все же я успел рассказать ему про тебя, передать костюм и узнать новости о нем. Выглядит он по-прежнему хорошо и семья здорова; зарабатывает лучше чем весной, но все еще не может найти общую квартиру с болотоведом. Костюму был очень рад, так как это как раз то что труднее всего достается в СССР. Он дал мне свой адрес, так что когда я поеду вновь весной, заранее (как только въеду в СССР) смогу предупредить его, чтобы повидаться более подробно.

Шурик провел хорошее лето на Урале, где живописная природа, много ягод, грибов, раков и рыбы. Особенно же доволен он тем, что Соня, дотоле хилая, расцвела от горного воздуха. Вторая дочка, Катерина, ездила на отпуск к родителям. Сейчас Шурик получил новое место — счетоводом на большой мельнице, а потому сразу не мог взять отпуска, чтобы приехать в Москву повидаться со мною, хотя я и устроил ему дорогу. Вместо него приезжала Надя, проведшая в Москве целый месяц. Приезжала также из Кадникова Катя Игнатьева, которой я советовал переселиться хотя бы в Тверь, поскольку ей нет надобности оставаться в Кадникове, а в Москве жить нельзя. В Твери сестра Нади⁹⁷, а кроме

---

⁹³ Из письма Т.А. Раевской С.С. Прокофьеву от 1 июля 1933 года. SPA, F. XXXIV, it. 160–161.

⁹⁴ Из письма С.С. Прокофьева Т.А. Раевской от 5 апреля 1928 года. SPA, F. XVII, it. 280.

⁹⁵ Главной новинкой в итальянских концертах композитора осенью была новая — Третья симфония.

⁹⁶ Женя — брат Тани, к тому времени живший с новой женой, которую Прокофьев в письмах называет «болотоведом».

⁹⁷ Возможно, речь идет о Фекле Феофиловне, в замужестве Лопухиной (1894–1982); одна из ее дочерей, Татьяна, родилась в 1928 году в Твери.

*Татьяна Александровна Раевская
(урожд. Катенина). Петербург*

В нижнем ряду в центре – Андрей Александрович Раевский. В верхнем ряду – император Николай II и цесаревич Алексей. Фрагмент группового фото. Могилев. Ставка Верховного Главнокомандующего. Фото из семейного архива Е.А. Раевской

Мы выражаем благодарность внучке Андрея Александровича, Екатерине Александровне Раевской, за присланную фотографию и сообщение о службе ее деда, А.А. Раевского, в Ставке Верховного Главнокомандующего.

того оттуда всего несколько часов до Москвы, так что можно время от времени наезжать. Катя съездила в Тверь, не одобрила и решила вернуться в Кадников. Чем дальше тем больше глухота отделяет ее от окружающего мира и тем труднее ладит она с семьей Шурика: пребывание в Москве обошлось не без тренировок. Она очень просила тебя написать ей: Северо-Край, город Кадников, Советская 34. Но поменьше обо мне. Положение в СССР улучшилось по сравнению с моей последней поездкой: Москва и Ленинград лучше освещены, мостовые асфальтированы, открылись кафе, есть продовольственные лавки «для всех граждан», хотя и по дорогой цене.

Как твоё здоровье? Твои дела? Я в Париже лишь на короткий срок, а на весь январь еду концерттировать — в Италию, Чехию, Англию и пр.⁹⁸

⁹⁸ В начале 1934 года Прокофьев выступал в Риме, Турине, Фиуме (Риека, с 1945 года в составе СФРЮ, с 1991 года в составе Хорватии) и других городах. В конце марта он выехал в Чехию и Польшу (концерты 5 и 6 апреля в Варшаве).

Крепко целую тебя от себя и от жены.
Твой»⁹⁹.

Шурик и Надя

Однажды в Нью-Йорке — это было 4 февраля 1926 года — Сергею Сергеевичу передали неожиданное письмо от кузена, который вообще-то почти год как сидел в тюрьме! Однако письмо датировано апрелем 1924 года, тогда Шурик был еще свободен. Содержанию письма, таким образом, придавался дополнительный объем.

«Дорогой Сережа!

Ты вероятно очень удивишься, увидев, что я пишу тебе. Дело в том, что я пишу вообще редко, писать не люблю, да и некогда, а о тебе я кое-что знаю от мамы. Я занят много, днем служу, а по вечерам для заработка играю в оркестре на контрабасе в одном театре. Я преуспел на этом инструменте и даже года два учился в Московской консерватории. У меня много друзей музыкантов и один из них Сергей Леонтьевич Погребничко¹⁰⁰ едет в Америку. Если он тебя найдет и передаст это письмо, окажи ему помощь в смысле поступления в какой-нибудь оркестр. Он чудный валторнист, 9 лет был солистом в Московском Большом театре, очень музыкальный, с вышколенным тоном и громадным опытом. Кроме того, он прекрасный человек. Я с ним в одном театре служил целый сезон. У тебя же наверное музыкальные связи большие. Радуюсь твоим успехам. Я о них иногда слышу. Говорят ты женат. Поздравляю.

Мне не пиши, не стоит.

Целую крепко. Шурик»¹⁰¹.

«Мне не пиши...». Объяснять смысл этой фразы любому живущему в СССР вплоть до перестройки не было никакой нужды.

Кузен, которого Прокофьев называет Шуриком¹⁰², с 1900 года учился в Императорском Александровском лицее, бывшем Царскосельском, окончил курс в 1906 году, это был 62-й выпуск лицея.

До революции он служил в министерстве иностранных дел. Во время Первой мировой войны был офицером артиллерии, позже работал юристом-консультантом в Госбанке. Играл также на контрабасе в театре Е. Вахтангова.

---

⁹⁹ Письмо С.С. Прокофьева Т.А. Раевской от 20 декабря 1933 года. SPA, F. XXXV, it. 324.

¹⁰⁰ Сведений о С.Л. Погребничко в картотеке музея Большого театра не сохранилось.

¹⁰¹ Письмо А.А. Раевского С.С. Прокофьеву от 21 апреля 1924 года. SPA, F. V, it. 159–160.

¹⁰² Раевский Александр Александрович (1885 — 6 июня 1942).

Надежда Раевская.
1929 год

21/IV - 1924.

Дорогой Сергей!

Мн. крепко охот. увид. шибко,
увидев, что я пишу тебе. Если в
твоем, что я пишу тебе редко, не
счить по моему. Да и некогда, а охота
и все это ради... маме. Я занят
много, маме пишу, а по вечерам маме
заработать маме в театре. Я преуспел
контрабасе в одной пьесе. Я преуспел
на этом инструменте и даже...
года два ушел в Москву. Консерватор
У меня много друзей музыкантов
и один из них Сергей Леонович

Потребные идти в Америку. Если
он тебе нужен и предает это письмо
окажи ему помощь в смысле
получения в каком-нибудь городе.
Он нужен. Если предает, я не
был свидетелем в Московском театре.
Мои писателе, охот. музыкантов, с
вашим опытом. Если того не предает,
забываю. Я с вами в одной пьесе.
музыку чужой. У меня др.
какие музыканты идут. Если
мне. Дать тебе письмо. Если
то тех людей слышу. Если
ты узнаешь. Если предает.
Мне не пишу не стоит.
Который предает. Музыкант.

Письмо А.А. Раевского С.С. Прокофьеву
от 21 апреля 1924 года

Возможно, устроился в театр с помощью племянника жены — Н.П. Шереметева¹⁰³.

¹⁰³ Шереметев Николай Петрович (1903–1944) — потомок графа Н.П. Шереметева и Прасковьи Жемчуговой. После революции не уехал из России, женившись на актрисе театра Е. Вахтангова Цецилии Мансуровой. Играл в оркестре театра, писал музыку к спектаклям.

*Александр
и Надежда Раевские*

Шурик счастливо женился на баронессе Надежде Феофиловне (Богдановне) Мейендорф (1889–1950), происходившей из знатного обрусевшего немецкого рода. В семье Раевских рассказывают, что Надежда никогда не училась ни в каком учебном заведении, потому что получила домашнее образование в семье Великого князя Константина Константиновича¹⁰⁴ как подруга и компаньонка его дочери Татьяны¹⁰⁵. Все отмечали ее большие успехи. Она писала стихи и очень хорошо рисовала¹⁰⁶.

Упоминания о маленькой Наде Мейендорф изредка встречаются в Дневниках К. Р., например: «Мы позвали к детям гостей: Павловичей, Лейхтенбергских (детей Станы), Мейендорфов двух мальчиков и девочку Надю, Фредериксов, Пешкова, Порецкого; это было 17 человек, они бега-

---

¹⁰⁴ Романов Константин Константинович (1858–1915) — член Российского Императорского дома, генерал-адъютант, переводчик, поэт. Поэтический псевдоним — К. Р.

¹⁰⁵ Романова Татьяна Константиновна (1890–1979) — княжна царской крови, в 1946 году постриглась в монашество и с именем Тамара стала настоятельницей Елеонского монастыря в Иерусалиме.

¹⁰⁶ Художественные наклонности проявляли и другие Мейендорфы. Брат Надежды, Феофил, уехавший во Францию, был художником-миниатюристом. В 30-е годы нарисовал портрет Лины Прокофьевой. Близкие называли его Бада, под этим именем он встречается и в Дневниках Прокофьева. Другой брат Надежды, Николай, окончил Академию художеств в Париже. Он был известным мастером мозаики и иконописцем, расписал 23 православных церкви в Европе и три королевских дворца.

ли, играли и забавлялись в белой зале, любо было смотреть»¹⁰⁷. Дата этой записи — 2 марта 1897 года, Наде восемь лет.

У молодой четы родились три дочери: Елена (1913–1982), Екатерина (1915–2001), Софья (1923–2011).

Потери семьи Раевских оставлены в Дневнике за кадром повествования до 20 апреля 1925 года, когда Прокофьев получил письмо из Пензы от кузины Кати, в котором она писала, что Шурик «хронически заболел». В письмах из Советской России заболевшими называли арестованных.

Святослав Сергеевич говорил, что Шурик Раевский был репрессирован как воспитанник привилегированного учебного заведения — лицея. Некоторые события наталкивают на мысль, что за известной причиной («лицеист»), возможно, крылось еще какое-то содержание. Этим содержанием, как я думаю, могло быть «дело лицеистов». Бывшие выпускники Александровского лицея тайно встречались, отмечая Лицейский день — 19 октября. Они служили панихиды по умершим лицеистам, по тем, кто погиб в годы войны и революции. В ночь на 15 февраля 1925 года органы ОГПУ арестовали более ста пятидесяти человек. Почти все осужденные по делу лицеистов были расстреляны или позже погибли в лагерях.

Троюродный брат Сергей Себряков объяснил Прокофьеву, что Шурик «влип за компанию и отчасти оттого, что при допросе не хотел назвать фамилии людей, которых это упоминание могло бы подвести»¹⁰⁸. В списках проходивших по делу Александровского лицея А.А. Раевский не значится. Но слова Себрякова подсказывают характер выдвинутого против него обвинения. Возможно, Шурика, арестованного как раз вскоре после массовых арестов лицеистов, допрашивали о проходивших по этому делу, и он отказался «стучать». В Уголовном кодексе РСФСР в редакции 1926 года появилась статья за «недонесение». Я думаю, что преступление Шурика и заключалось в том, что он не донес. В записке для ОГПУ, которую композитор написал в 1929 году, значится, что Шурик сидит в отделе К.Р.О. (контрреволюционные организации). А собиравшиеся тайно лицеисты как раз и были в глазах новой власти контрреволюционной монархической организацией.

В семье Раевских невольной виновницей случившегося называют также младшую сестру Надежды Феофиловны — Александру, которую в семье звали Сандра¹⁰⁹. Она служила секретаршей у С. Эллиота, представите-

¹⁰⁷ Великий князь Константин Константинович. Дневник. ГАРФ. Ф. 660 (вел. кн. Константин Константинович). Оп. 1, д. 44, л. 21. Сердечная благодарность Г. Моисееву за любезно предоставленную цитату из Дневника К. Р. У девочки Нади было двенадцать братьев и сестер, мальчики в семье: Павел (1882–1944), Феофил (1886–1971), Николай (1887–1969), Андрей (1891–1909) и Георгий (1894–?). Кого имеет в виду К. Р. — неизвестно.

¹⁰⁸ Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 480.

¹⁰⁹ Мейендорф Александра Феофиловна (1894–?).

ля американского бизнесмена У.А. Гарримана, который заключил с советским государством договор на добычу марганца на Кавказе сроком на 20 лет.

Вечерами Раевские часто ходили в театр и на концерты. Тогда в квартиру Шурика Сандра приводила потанцевать своих американских друзей. Контакты с иностранцами в СССР бывали небезопасны вплоть до перестройки. Шурик получил 10 лет.

Анна Петровна Уварова писала Прокофьеву:

«<...> Болезнь Шурика приняла тяжелую форму. До весны остается в больнице, но доктора находят, что ему необходимо продолжительное лечение (пять лет) в санатории, на Севере, в холодном климате. Там, где лечится и наш брат, уже второй год <...>»¹¹⁰.

Благодаря хлопотам через Е.П. Пешкову¹¹¹, срок, который удалось уменьшить на треть, Шурик отбывал в Бутырской тюрьме.

*Анна Петровна Уварова.
Фото сделано вскоре
после окончания Великой
Отечественной войны*

*Здание Бутырской
тюрьмы.
Архитектор
Матвей Казаков*

¹¹⁰ Письмо А.П. Уваровой С.С. Прокофьеву от 19 декабря 1925 года. SPA, F. X, it. 51–54. У Анны Петровны был брат Дмитрий (умер в блокаду, в 1942 году). Из письма 1926 года явствует, что он находился в ссылке (видимо, на Соловках) второй год. В семье Раевских опасались, что и Шурика сошлют на Соловки.

¹¹¹ Е.П. Пешкова была создателем и руководителем «Московского комитета Политического Красного Креста». Благодаря ходатайству этой организации срок А.А. Раевскому был сокращен на треть.

Из рассказа Марии Тарасевич (Суховой):

«Он был тапером на кинопоказах для администрации, и за это имел послабления в режиме: у него были не только еженедельные (воскресные) свидания, но он еще имел возможность угощать своих посетителей в тюремном буфете. Екатерина Александровна, его дочь, вспоминала, что они там ели “вкуснейшие” пирожные. И еще одно: помещение для свиданий было разделено перегородкой, так что заключенные и посетители находились по разные ее стороны. Так вот Александра Александровича выводили на свидание первым. Он занимал место в самом дальнем конце помещения, где перегородка не доходила до стены, и он брал младшую Соню на колени и мог обнять старших девочек»¹¹².

Еще он был назначен конторщиком в обувной мастерской и стал получать 15 рублей в месяц. Это было счастье!

После рождения трех дочерей Надежда Феофиловна была женой и матерью, но когда мужа арестовали, ей пришлось зарабатывать. Скромный доход приносило печатанье на машинке, одним из ее работодателей был Михаил Булгаков. Она подрабатывала еще и тем, что расписывала и продавала абажуры.

«Милый Сережа!

Мне очень совестно обращаться к тебе с, может быть, нескромной просьбой, но не сделала бы этого, если бы не дети мои.

Трудно материально, и если бы ты некоторое время мог поддержать меня, то того что я найду себе работу, как прошлой зимой, была бы тебе бесконечно благодарна, а так же и Шурик, который ужасно за нас мучается и конечно ничего сделать не может. Как долго он еще просидит, один Бог знает, но осужден на шесть лет; вина его, что он лицеист. Слава Богу, что его не сослали в Соловки. Раз в неделю я его вижу по воскресеньям на полчаса, и даже этому радуюсь. Шурик удивительно бодр и духом не пал, а как-то наоборот, еще меня поддерживает своим хорошим состоянием. Дети мои уже большие и пока растут и меня радуют и утешают, много им беденьким пришлось уже пережить.

Прости меня за мою просьбу, но дошли до точки, а то бы не просила.

Целую тебя и твою жену с малышом.

Храни всех вас Господь.

Твоя Надя»¹¹³.

Арбат 5, кв. 10
Москва «2»

12-е августа
1926 г.

¹¹² Из письма М.П. Тарасевич (Суховой) автору настоящей статьи.

¹¹³ Письмо Н.Ф. Раевской С.С. Прокофьеву от 12 августа 1926 года. SPA, F. XII, л. 38-41.

Конечно, усилия по освобождению двоюродного брата Прокофьев начал предпринимать сразу, как только впервые въехал в СССР. Он говорил с Пешковой, сказал об аресте кузена влиятельному Мейерхольду и для успешности дела познакомил с ним Надежду Феофиловну¹¹⁴. Великий режиссер обещал «шепнуть словечко» своим приятелям в ГПУ. Однако изменений к лучшему не произошло, а приехав в СССР 30 октября 1929 года, композитор узнал от Мясковского («Затем уходят, а Мясковский остается»¹¹⁵) новость, которую отмечает в Дневнике двумя словами: «<...> Хуже: Надя»¹¹⁶.

Эти слова расшифровывает письмо от Анны Петровны Уваровой:

«Многоуважаемый Сергей Сергеевич.

26 числа Надя вернулась из Кадников с похорон тети Кати и хотела сама Вам все написать, но в ту же ночь ей неожиданно пришлось уехать к Шурику. С детьми остались мы с Катюшей, моей дочерью.

Надя уезжая просила меня Вам написать последнюю просьбу умирающей Тети чтобы Вы не оставляли ее Кати.

Надя прожила с ней три дня. Кадников из себя представляет большое село, где о каком-нибудь заработке нечего думать, так что материальные условия жизни Кати будут тяжелые.

О последних днях жизни Тети Катя сама хотела Вам написать. Умирала она спокойно, без особенных страданий, в полной памяти до последнего момента. Лицо было спокойное, красивое. Для всех нас Тетя была таким близким, любимым человеком. Трудно свыкнуться с мыслью, что ее уже нет.

Прошу Вас и Лину Ивановну принять наш искренний и сердечный привет и добрые пожелания. А.П.»¹¹⁷.

Трех девочек Раевских Анна Петровна взяла к себе.

В семье полагают, что обвинение Надежде Феофиловне было выдвинуто традиционное: связь с иностранцами. Мать и многие из сестер и братьев Надежды Феофиловны жили за границей; трудно представить, чтобы она с ними совсем не переписывалась. Дополнительными пунктами обвинения могли быть происхождение баронессы и ее муж, которой отбывал заключение по статье 58.

Ее сослали в Повенец, маленький поселок в Карелии. Стране Советов необходима была дешевая рабочая сила для своих великих строек. Очень

---

¹¹⁴ На страницах Дневника об этом — даже дважды: 6 и 20 марта 1927 года (возможно, ошибка не Прокофьева, а Горчакова, который расшифровывал и записывал прокофьевский дневник советской поездки 1927 года).

¹¹⁵ Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 726.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Из письма А.П. Уваровой С.С. Прокофьеву от 28 октября 1929 года. SPA, F. XXII, it. 224–226.

скоро в районе Повенца ударными темпами начнется строительство Беломорско-Балтийского канала, задуманного как очередная победоносная война над одним из основных врагов страны Советов — природой.

Татьяна Александровна Раевская писала Сергею Сергеевичу из Германии:

«Бедный Шурик, последняя радость его свидания с Надей и детьми отнято у него. Вот уж поистине святые мученики!»¹¹⁸.

В ноябре 1929 года Мейерхольд свел композитора с начальником секретного отдела ОГПУ, одним из главных функционеров Госбезопасности и организатором политических репрессий в СССР в 20–30-е годы Яковом Аграновым. Датой их встречи — 15 ноября — помечена записка, которую композитор набросал, видимо, как памятку для себя: на случайном клочке бумаги, явно «на коленке» и в спешке. Вначале речь идет о Надежде Феофиловне, поскольку указанное число соответствует дате ее ареста:

«С 26 на 27 окт. Сидит за секретн. отделом¹¹⁹ в Бутырской тюрьме. При обыске взята переписка с мужем и родными исключительно легальная».

Ниже — о Шурике:

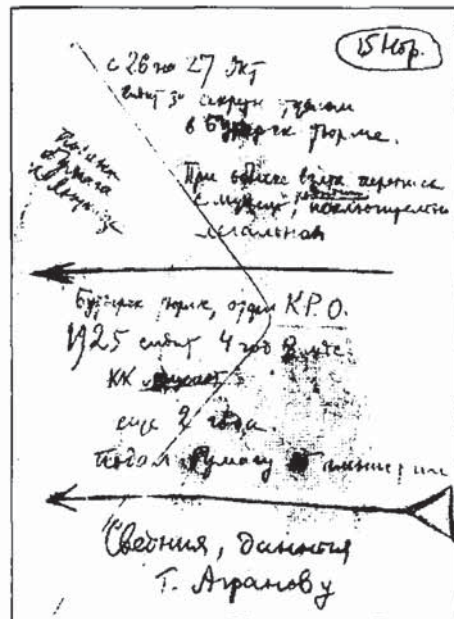
«Бутырск. тюрьма, отдел К. Р. О.
1925 сидит 4 год 8 мес.
Как лицеист
Еще 2 года
Подал бумагу об амнистии».

Сбоку и боком приписано:

«Подана бумага Енукидзе»¹²⁰.

Внизу:

«Сведения, данные т. Агранову»¹²¹.

Сведения о Шурике и Наде, переданные
С.С. Прокофьевым Я.С. Агранову
15 ноября 1929 года

¹¹⁸ Из письма Т.А. Раевской С.С. Прокофьеву от 4 мая 1930 года. SPA, F. XXIV, it. 104–107.

¹¹⁹ Редчайший у Прокофьева пример ошибки в падежах.

¹²⁰ Енукидзе Авель Сафронович (1877–1937) — революционный, государственный и политический деятель, член ЦК ВКП(б).

¹²¹ SPA, F. XXI, it. 224.

Изредка в жизни осиротевших девочек случались и радости: на следующий день после разговора Прокофьева с Аграновым — второй премьерный спектакль «Любви к трем апельсинам» в Большом театре. Анна Петровна Уварова «с двумя маленькими Раевскими»¹²² — в ложе. Б. Асафьев, Б. Гусман, П. Керженцев¹²³, И. Рабинович¹²⁴, автор оперы — в партере на приставных стульях.

Шурик отсидел сокращенный на треть десятилетний срок: 6 лет и 8 месяцев. Возвращение Александра Александровича сохранилось в семейной памяти Раевских:

«<...> Екатерина Александровна¹²⁵ говорила, что в это время они с сестрой Соней, двоюродной сестрой отца Анной Петровной Уваровой и ее дочерью Катюшей жили в полуподвальной квартире в Большом Афанасьевском переулке. Как она говорила, “утром — мы еще спали — кто-то постучал в окно подвала. Это был папа. Я его встретила, как была, в ночной рубашке. И тут же отдала ему свой билет. Я должна была ехать к маме в Повенец, и он поехал вместо меня. А у мамы так и не была. А Алена с Соней ездили”»¹²⁶.

Весной 1933 года Раевским пришлось переехать в Миасс, но через некоторое время они все же вернулись в Москву.

После начала Великой отечественной войны Александра Александровича арестовали опять. Он был сослан в Канский лагерь Красноярского края, главного центра системы Гулага. Огромный лагерь специализировался на лесозаготовках.

Там, конечно, умирали от голода и болезней. Но самой распространенной в таких лагерях была смерть *под бревном*. Спиленное бревно двое зеков должны были отнести в положенное место. Смертоносным был момент, когда они пытались оторвать бревно от земли и поднять на плечо: самые слабые падали, неподъемная тяжесть вгоняла истощенных людей в землю.

Как он умирал? Под бревном, упав в молодую траву, или отойдя в сторону от всех, в надежде переждать навалившуюся слабость, а может быть, в убогом бараке, на куче неопикуемого тряпья, пытаюсь удержать гаснущим сознанием лица родных?

Знать об этом заказано.

---

¹²² Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 734.

¹²³ Керженцев Платон Михайлович (1881–1940) — государственный и общественный деятель, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств СССР, экономист.

¹²⁴ Рабинович Исаак Моисеевич (1894–1961) был художником-постановщиком оперы в Большом театре.

¹²⁵ Средняя дочь Раевских, в 1931 году ей было 16 лет.

¹²⁶ Из письма М.П. Тарасевич (Суховой).

Вся семья Раевских вместе – впервые за много лет. Снимок сделан не раньше 1934 года

Александр Александрович скончался в Канском лагере 6 июня 1942 года.

Надежда Феофиловна умерла в 1950 году.

Вместо послесловия

С судьбами близких Прокофьеву людей автору этих строк довелось познакомиться в 1997 году в The Serge Prokofiev Archive, который тогда располагался в Лондоне. Это было время, когда нам, воспитанным в традициях правоверной коммунистической идеологии, с каждым днем открывалась новая страшная правда о недавнем прошлом и уже несколько лет мучил вопрос: как же Прокофьев мог вернуться в *такую* страну?

По этому поводу много и довольно долго дискутировали. На определенной стадии возникла иллюзия понимания: наверное, он не ведал, куда едет. Раз уж мы, здесь живущие, как оказалось, так мало знали правды и так много наглой лжи принимали за бесспорную истину¹²⁷. В 1999 году французский режиссер Р. Варнье снял художественный фильм «Восток — Запад»¹²⁸ по мотивам книги мемуаров. В основу сюжета была положена именно такая версия возвращения на родину русских эмигрантов: ужа-

---

¹²⁷ Людей старших поколений, чьи представления о размахе репрессий были ближе к реальности, жизнь в СССР лучше других научила, что золото уж точно молчание и что сегодня перестройка и гласность, а завтра опричнина и привычные прелести тоталитаризма. Поэтому многие, не веря в необратимость демократических перемен, предпочитали молчать по-прежнему.

¹²⁸ Производство Франция — Россия — Украина — Болгария — Испания. Сценарий фильма был написан по книге воспоминаний Нины Алексеевны Кривошеиной, урожденной Мещерской (1895–1981) «Четыре трети нашей жизни». Ниночка Мещерская, консерваторская любовь Прокофьева, адресат посвящения «Гадкого утенка», Фяка — прожила невероятную, наполненную трагическими событиями, жизнь: она ушла из России в 1919 году по льду Финского залива, вернулась, пережила в СССР арест мужа и сына, эмигрировала опять...

сы советской власти возникали для них неожиданно и уже по ту сторону франко-советской границы.

Эта версия некоторое время казалась приемлемой, в нее старались верить, отмахиваясь от вопросов самим себе: о компетентности эмигрантской печати, о газете П.Н. Милюкова «Последние новости» (ее Прокофьев читал, иногда делал вырезки), о чьих-то рассказах по поводу внезапных хронических болезней и необходимости долгого лечения в санатории близ зоны вечной мерзлоты.

Истории сломанных жизней, о которых, как оказалось, композитор знал и которые безустанно пытался исправить, возникли весной 1997 года, ошеломив тотальной силой уничтожения. Они в одночасье разрушили и без того хлипкую версию; *отвергли* вообще любую причину возвращения, потому что никаким образом невозможно было понять — чем руководствовался Сергей Сергеевич, решаясь вернуться.

Итак, найденные материалы о судьбах Раевских обозначили в моих рассуждениях о возвращении Прокофьева домой тупик. Искать причину теперь стало бессмысленно, поэтому не стоит больше тратить время на напрасные фантазии и домыслы. Лучше заняться чем-нибудь реальным — благо, интересных тем много. Например, надо бы поглубже заняться Христианской наукой, выяснить, чем она особенна и нет ли в ней каких-то свойств, которые так или иначе оказали влияние на жизнь, личность, а может быть, даже на творчество Прокофьева.

И одним из первых же тезисов Христианской науки, которые удивили при чтении с трудом добытой литературы, оказалось положение о нереальности зла.

Точку поставить не удалось. Причина возвращения, поиск которой был отвергнут как безнадежный, внезапно объявилась сама.

Прокофьева, несомненно, прельстил соблазн коммунистической утопии. Он надеялся, что всеобщая устремленность к открытию, установка на необычайное, на преобразование, которые определили начало XX века, получив новое дыхание, будут жить в современной реальности. Он чувствовал родство между идеалами христианства и коммунистическими принципами в энергии созидания и декларациях социального равенства. Т. Грэхем¹²⁹ говорил о большевиках: «Строят и во имя идеала, идеала божеского, хотя и материально истолкованного»¹³⁰. Конечно, было еще множество причин за возвращение. От неизбежной ностальгии до любимого биографами соперничества со Стравинским и Рахманиновым, от экономического кризиса 1929 года до стремления туда, где *так* любят и *так* по-

---

¹²⁹ Грэхем Т.А. (Graham Thomas A.) — христианский сайентист, оказал немалое воздействие на композитора.

¹³⁰ Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 800.

нимают. Он ожидал продолжения того фантастического успеха, который сопутствовал ему в первых советских гастролях 1927 года. Посулы вождей, энтузиазм театров, статус первого в стране композитора... Многочисленные практические резоны также.

За возвращение можно бесконечно добавлять новые и новые причины; они располагаются в различных плоскостях. Единственная причина **против** решительно перечеркивает все **за**. Знания композитора о терроре и массовых репрессиях одна лишь бесшабашная самонадеянность отменить не могла.

Мировоззрение Прокофьева, его религия, по моему мнению, и объясняют — каким образом он справился с причиной **против**.

Согласно Христианской науке, зло — это ошибка, заблуждение смертного разума. Композитор много думал об этом, например: «Божий мир сделан так, как он сделан, и сделать его иначе было нельзя. Что есть зло? Попытка проверить — нельзя ли создать мир иначе... Естественно, что попытка мира иного, мира зла, мира конечного, мелькнет как миг в бесконечности и забудется. Это, вероятно, одна из причин, по которой Christian Science считает зло нереальным»¹³¹.

Прокофьев не убоился, он пренебрег причиной «против», так как хотел вслед за Христианской наукой верить, что зло нереально. «Все хорошее и ценное создал Бог. Все, что бесполезно или губительно, Он не создавал — следовательно, оно нереально»¹³². Когда мысли обращены к добру, зло исчезает. Любовь отрицает, отвергает зло. («Love negates evil»). Знакомые, жившие в СССР, этого не понимали. Асафьев, ознакомившись в 1928 году с лекцией по Христианской науке, заметил: «Надо поверить в то, что зло нереально, а это трудно, по крайней мере сразу»¹³³. В дневниковой записи о разговоре с Демчинским (декабрь 1932 г.) Прокофьев не без умолчаний воспроизводит спор о музыке, переходящий в сферу мировоззренческую: «Он [Демчинский] пробует произвести атаку на бодрость и радость... На чем основано это спокойствие — на здоровье, на самоуверенности, на личном я? Я: на упоре в Бога»¹³⁴.

Уничтожая критический аспект в отношении к миру, Христианская наука учила композитора не бояться. Он ощущал себя защищенным Божественной броней, вооруженным истинным знанием и истинной верой. Все сигналы, которые предостерегали его против возвращения в СССР, разбивались о его несокрушимый оптимизм и сформированное Христианской наукой убеждение в том, что зло бессильно. «...Поскольку человек

¹³¹ Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 575.

¹³² Эдди М.Б. Наука и здоровье с Ключом к Священному Писанию. — Бостон, 1994. — С. 525.

¹³³ Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 640.

¹³⁴ Там же. С. 817.

ясно осознает, что он отражение Божье, ему не страшен людской лай, который направлен лишь на его материальное “я”, являющееся слабой тенью настоящего человека, отражающего Бога»¹³⁵. Эта дневниковая запись Прокофьева перекликается с М. Б. Эдди: «Всегда и во всем побеждайте зло добром. Познайте себя, и Бог даст вам и мудрость и случай для победы над злом. Облеченные в доспехи Любви, вы неуязвимы для людской ненависти»¹³⁶.

Даже в 20-е годы, будучи чрезвычайно преданным приверженцем Христианской науки, композитор нарушал некоторые предустановления. Вряд ли когда-нибудь станет известно, сохранилось в той же мере, что прежде, или все-таки ослабело увлечение Христианской наукой в советский период, когда Прокофьев был лишен не только Церкви и общины, но, после расставания с Линой, единственного в СССР своего единомышленника. Однако материалы «бесцензурного» периода говорят о его глубокой вовлеченности в вероучение, в котором он нашел нечто созвучное своему миросозерцанию.

Он сделал свой выбор и взял на себя ответственность за него.

* * *

Впервые эта версия возвращения была предложена мной в докладе «Прокофьев и Христианская наука», прочитанном 8 февраля 2003 года на конференции в рамках фестиваля, посвященного С.С. Прокофьеву (Манчестер, Великобритания). В виде статьи этот материал опубликован в журнале «Three Oranges Journal», November, 2005, № 10. В расширенном виде: «Христианская наука в жизни С.С. Прокофьева» // Научные чтения памяти А.И. Кандинского: материалы научной конференции. Научные труды Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. МГК, 2007. С. 241–257.

Версию возвращения сразу же после фестиваля отметил обозреватель журнала «Three Oranges Journal» К. Хибберд, сделавший обзор докладов конференции на сайте Общества «Великобритания — Россия»: <http://www.gbrussia.org/reviews.php?id=63> и в «Three Oranges Journal» (2003, № 5). В журнальном варианте статьи Хибберд пишет по поводу доклада «Прокофьев и Христианская наука»: «Савкина предложила объяснение возвращения Прокофьева в СССР в 1936 году в свете положений Христианской науки. Эта очень субъективная гипотеза (без документальных подтверждений в прокофьевских материалах) утверждает, что смысл, который Христианская наука вкладывает в понятие зла, позволил Прокофьеву смело встретить множество опасностей, которые могли ожидать его в России. Равным образом Прокофьев верил, что Христианская наука была источником его собственной огромной силы, возможно, придавая ему

¹³⁵ Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 670.

¹³⁶ Эдди М.Б. Указ. изд. С. 571.

желость вернуться на родину»¹³⁷. («Savkina proposed that Prokofiev's return to Soviet Russia in 1936 can be interpreted through the lens of Christian Science. This very personal hypothesis (without documentary evidence from Prokofiev) suggests that the importance Christian Science gives to the presence of evil allowed Prokofiev to face many dangers a return to Russia would bring. Equally, Prokofiev believed Christian Science was the source of his huge personal strength, perhaps giving him the courage to return to his motherland»).

* * *

Сердечная благодарность людям, которые помогли мне в этой работе: Сергею Святославовичу Прокофьеву, сотрудникам лондонского Serge Prokofiev Archive, потомкам семьи Раевских Марии Владимировне Дараган-Суцовой, Марии Петровне Тарасевич (Суховой), Екатерине Александровне Раевской и Дмитрию Дмитриевичу Максудову. Особая благодарность моим уважаемым коллегам Варваре Петровне Павлиновой и Григорию Анатольевичу Моисееву.

---

¹³⁷ Three Oranges Journal. 2003. № 5. — P. 16.